

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the RAS,
Petrozavodsk, Russia

Phonetic Variants of the Ancient Toponymic Stem *Ylä- 'Upper' and Their Genesis in the Hydronymy of Karelia

Voprosy onomastiki, 2018, Volume 15, Issue 2, pp. 7–27
DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.013

Language of the article: Russian

Муллонен Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

Фонетические варианты древней топоосновы *Ylä- 'верхний' и их генезис в гидронимии Карелии

Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 7–27
DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.013

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.013
УДК 81'373.6 + 81'373.215 + 811.511.1

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН,
ФИЦ «Карельский научный центр РАН»
Петрозаводск, Россия

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ДРЕВНЕЙ ТОПООСНОВЫ **YLÄ*- 'ВЕРХНИЙ' И ИХ ГЕНЕЗИС В ГИДРОНИМИИ КАРЕЛИИ*

В статье рассмотрены модификации древней прафинской топоосновы **YLä*- 'Верх, верхний', известные в гидронимии Карелии и смежных территорий. Выявлены ее фонетические варианты и их генезис. Показано, что эта основа выступает в гидронимах как самостоятельно, так и в связке с формантами. При этом последние, восходя к словообразовательным суффиксам и грамматическим показателям, имеют прочные традиции использования, которые подтверждаются выявлением некоторого ряда топонимов с праязыковым обликом показателя. Так, разные стадии развития деминутивного / атрибутивного суффикса реализованы в топонимах *Ilinž/järv* (-*nžV* < прасаам. *-*ńće*), *Ylini/järvi* (приб.-фин. -*ini*), *Yliz/järvi* (приб.-фин. -*ize*-). Так называемый суперлативный суффикс, восходящий к праязыковому показателю превосходной степени *-*mañce*/*-*mäñce* и его саамским и прибалтийско-финским модификациям, отразился в лимнонимах *Ильмозеро*, *Илеменза*, *Ильмаж*, *Ильмеза*, *Элиmozеро*, *Эльмус*, *Ylimäine*, *Ylimäis/järvi* и др. на территории Карелии и смежных областей. В этом ряду предлагается рассматривать и истоки новгородского топонима *Ильмень*. Предпринята попытка ввести выявленные «верхние» топоосновы в ряд других образований от основ с пространственной семантикой,

* Финансовое обеспечение исследований осуществляется из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

оформленных аналогичными формантами (например, оз. *Пелонч*, *Пильмасозеро*, *Куки-масозеро*, *Tarazmane*), которая призвана поддержать проведенные выше «верхние» реконструкции. Выявлена также определенная ареальная дистрибуция моделей, очевидно, маркирующих разные этноязыковые коллективы. Модель *El'muz* ~ *Elimys*, известная на территории Центральной Карелии и в примыкающих с запада районах Восточной Финляндии, отражает позднепрасаамское языковое состояние. В свою очередь, модель *Илекса*, исходя из ее плотного ареала между озерами Лаче, Воже, Белое и Онежское, а также фонетического облика, может быть наследием более раннего языкового состояния, характеризовавшего носителей позднекаргопольской археологической культуры. Ареал последней довольно точно повторяет очертания топонимного ареала *Илекса*, а также ряда других, имеющих общие прибалтийско-финско-саамские, а в некоторых случаях и древние западноуральские истоки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прибалтийско-финские языки, саамские языки, субстратная топонимия, этимология, топоформанты, топооснова, Карелия.

Использование пространственных моделей — характерная особенность называния водных объектов, объединенных внутри речной системы, которая в русле народной ориентации в пространстве (совпадающей, точнее, видимо, послужившей основой для научного видения) имеет свои верх и низ, а также боковые границы. В статье внимание привлечено к уральской гидронимной основе **ül(i)* ‘верх, верхний’ [Sammallahti, 1988, 536]; ср. финно-угорскую реконструкцию **wilä* / **wülä* [UEW, 573–574] > **ylä* на северо-западной периферии ее бытования — в топонимии Карелии, имеющей хорошо развитую гидрографическую сеть и предоставляющей в распоряжение исследователей исключительно богатый материал для анализа таких моделей. Определенным посылом послужил научный интерес к функционированию данной основы в субстратной топонимии Русского Севера [Матвеев, 2004, 171; 2007, 77; Кабинина, 2011], Поволжья [Rahkonen, 2013; Смирнов, 2017], Финляндии [Aikio, 2003; 2007]. Наши материалы не только заполняют пространственную лакуну в едином ареале бытования гидронимной основы, но и позволяют уточнить некоторые аспекты ее функционирования, в частности ее сочетаемость с топонимными формантами.

Идея верха реализована в гидронимах Карелии с помощью нескольких прибалтийско-финских и саамских основ с пространственной семантикой, например *Latva-/Ladva-* ‘Вершина, верховье’; *Kač-/Kач-*, *Керак-*, *Oiva-*, *Pää-/Piä-* ‘Голова, вершина, конец’. В этом ряду только *Ylä-* характеризуется симметричностью, вызванной смежным расположением двух объектов (озер), ориентированных по течению реки: *Yläjärvi* ‘Верхнее озеро’ и *Alajärvi* ‘Нижнее озеро’. Наш материал подтверждает значительно большую популярность этого принципа на севере, в Беломорской Карелии. Для этого есть две причины: с одной стороны, большая насыщенность территории озерами и, соответственно, потребность в их назывании, с другой — меньшая заселенность и освоенность края на фоне Южной Карелии, что не давало столь разнообразных поводов для номинации. Здесь,

видимо, в большей степени, чем в южных районах, было распространено маршрутное видение, которое провоцировало появление такой бинарной оппозиции.

Однако в целом наблюдается явное преимущество первого члена пары — «верхних» водных объектов, что обусловлено практикой освоения рек преимущественно снизу вверх. «Верхние» озера были одновременно и границами водных маршрутов.

Гидронимная основа *Ylä-* и ее фонетические варианты

Приб.-фин. *ylä-* ‘верх, верхний’ выступает в топонимии Карелии в двух вариантах: *Ylä-* и *Yli-*, из них второй возник, очевидно, как результат абстрагирования из основы, осложненной словообразовательными и словоизменительными формантами (*ylä-* + *-ine* → *ylīne* ‘верхний’): *Ylä/järvi* (Лоух. Вычetaйбола), *Yli/lampi* (Ухт. Понгалакша). Она востребована в составных топонимах — наименованиях озер и рек — в качестве уточняющего определения при назывании смежных объектов.

В топонимии Центральной и Северной Карелии выявляется ряд названий незначительных по размерам водных объектов — озер и ручьев — с топоосновой *EIV-*, которую с учетом особенностей исторической фонетики, а также ландшафтной характеристики объектов позволительно возводить к **ēlē* ‘верхний’ — прасаамскому варианту уральской лексемы **ül(i)*. Тот саамский диалект, который дал топооснову, был, судя по качеству начального гласного, близок к позднепрасаамскому языковому состоянию. В связи с этим стоит упомянуть, что в восточных саамских диалектах — колтта и кильдинском — отодвинутый назад *e* в определенных ситуациях сохранился до сегодняшнего дня, хотя в большинстве диалектов развитие продвинулось еще на один шаг по пути смещения звука назад [Korhonen, 1981, 83]. Примеры в карелоязычной топонимии Карелии: *Elin/järvi* (Кест. Оуланга), *Elin/lampi, -oja, -suo* (Кест. Кестеньга), *El(l)in/lampi, -suo* (Кест. Боярская), *Eli/järvi, -joki* (Ухт. Регозеро), ? *Jeli/lampi* (Ухт. Луусальма), *Eli(t)/lambi* (Кемир. Кургиево), *Eli/järvi, Elin/laksi* (Лоух. Корелакша), *Elin/därvi, -d’ogi, -oja, -vuara* (Ухт. Страффилла), *Elin/lambi* (Ухт. Юшкозеро), *Elin/lambi ~ Ellin/lambi* (Ругоз. Кимасозеро), *Elin/lammit* (Ухт. Чена), *Elin/lampi* (Ухт. Каменное Озеро), *Elin/lampi* (Тунг. Пертозеро), *Elin/järvi, -laksi* (Петр. Лубасальма).

Основа бытует и в топонимии Финляндии. В ранних исследованиях ее было принято возводить к финской отглагольной основе *elä-* ‘жить’¹, однако современные исследователи признают ее прасаамские корни [SPK, *Elijärvi*]. Предпринята попытка реконструировать данную топооснову и в ряде гидронимов Русского Севера, таких как *Елаш, Елезеро, Елема, Еленьга, Елоземка* и др. [Saarikivi, 2006,

¹ Интерпретация этой группы топонимов, предложенная в свое время В. Ниссиля, который возводил их к разным производным от основы *elä-* ‘жить, проживать’ и связывал с промысловой деятельностью финнов, с возможностью проживания и обеспечения себя рыбой на упомянутых озерах [Nissilä, 1964, 78–79], представляет собой очевидный случай народной этимологии.

196–197, 247–248; Матвеев, 2007, 72; Смирнов, 2017, 236–238]. Вопрос дистрибуции бытующих в севернорусском регионе *Ил-/Ел-* требует дополнительного изучения. Не до конца понятно, связана ли она с разным генезисом основ² или является отражением колебания *e/u* (*Ельмозеро* — *Ильмозеро*), свойственного субстратной топонимии этого региона [см., например: Кабинина, 2011, 37].

Что же касается воплощения основы в топонимии Карелии, то вопросом остается ее расширение элементом *-n-* (*Elin/järvi*), который вряд ли соотносится с историческим локативным показателем, равно как и с прибалтийско-финским атрибутивным суффиксом *-ine(n)*. Скорее появление этого элемента было спровоцировано удобством произношения или же он представляет собой результат интеграции прасаамской основы *Elim-* (см. ниже).

Основа **Ylä-* представлена также в виде *IV-*, при этом истоки *i* варьируют. Лишь в редких случаях сужение *ü* → *i* могло происходить на собственно прибалтийско-финской почве, например оно характерно для ряда говоров вепсской фонетической системы [Tunkelo, 1946, 566–573]. Для объяснения генезиса этого звука в древней гидронимии региона более актуальна его интерпретация на основе прасаамского вокализма, в котором еще на самой ранней стадии произошла утрата праприбалтийско-финско-саамского лабиального **ü*, объединившегося с **i* и развивавшегося далее в русле изменений последнего: **ü* > **i* > **e* > **e* > *â* [Korhonen, 1981, 81–82].

На фоне относительно компактного ареала в Северном Обонежье, где древний **ü* передается в уральской основе **Ül(i)* как *e* (*Elimys/järvi*, *Elo/järvi*), ареал с инициальным *i-* (*Ilal/järvi*, *Ilmal/järvi*, *Ilmas*, *Ilomantsi* и др. — см. далее) значительно более обширен. В связи с этим стоит упомянуть о древних саамских заимствованиях в финских говорах, в которых саам. *â* (< **e*) первого слога передано, как правило, через *i*, что предполагает, что в момент заимствования в саамском слове был еще звук, близкий по звучанию к *i*. Показательны в этом отношении реконструкции фин. *iltti* ‘язычок обуви; верх или передок кожаной обуви’ < прасаам. **elteš* ‘головка обуви’; фин. *pisa* ‘бранное’, например *mää piisaan!* ‘иди к черту!’ < прасаам. **pešē* ‘священный’; фин. *sivakka* ‘правая лыжа’ < прасаам. **sepēkkē* ‘лыжа’ и др. [Aikio, 2009, 66, 134, 151–152]. На этом фоне передача прасаамского **e* финским *e* раритетна и представлена лишь в единичных примерах, например в фин. *kenes* ‘бран. о мальчике’ (букв. «молодой мошенник») < прасаам. **kenis* ‘гном’ [Там же, 80].

Наконец, должна учитываться и русская языковая традиция, которая использует несколько адаптационных моделей. Стоит отметить, что на современных картах Карелии оригинальная карельская топооснова *Ylä* ‘верхний’ передается и как *Юл(я)-*: *Юлеозеро*, *Юлозеро*, *Юляярви*, *Юля Вуоттяярви*, *Юля Толваярви*, и в виде *Иля-*: *Иляярви*, *Иля Куккаусярви*, *Иля Тарасярви*, реже как *Ул(я)-*:

² На вероятность этого может указывать то обстоятельство, что некоторые модели, в которых воплотилась основа *Ил-* (например, *Илес*, *Илекса*), абсолютно не реализовались с основой *Ел-*.

Улеламби, Уля Латаярви; при этом, однако, *ylini* ‘верхний’ и *ylimmäini* ‘самый верхний’ — как Илинен и Илиммяйнен [КОРК, 244, 265; АКЦ, 164, 173–174]. Эти примеры представляют три попытки адекватно отразить звучание карельского у. Названные модели адаптации известны и народной топонимии, хотя в ней явно преобладает начальный и: в Заонежье *Иленьгуба* (*yline* ‘верхний’), в восточном Прионежье оз. *Илемозеро* (*ylimä-* ‘самый верхний’), в Пудожье р. *Ильвама* — верхний участок р. Вама (букв. «Верхняя Вама») и др.

***Ylä-* в сочетании с деминутивным / атрибутивным формантом**

В гидронимии Карелии представлены производные образования от основы *ylä-*, оформленные суффиксом прилагательного *-ine*, *-ini* (карел. *ylini*, *yline*, вепс. *üline* : *üliže-*, *üläh(äine)* ‘верхний’): карел. *Ylinel/järvi*, *Ylinil/järvi*, вепс. *Üliž/därv*. Будучи в гидронимии в целом немногочисленными, они образуют, тем не менее, довольно устойчивый ряд топонимов. Присоединяясь к основе, формант подчеркивает его атрибутивное содержание: ср. варианты *Savi/lambi* и *Savini/lambi* (Ругоз. Ругозеро): *savi* ‘глина’, *savini* ‘глиняный’, *Ylä/järvi* и *Ylinil/järvi* (Ухт. Вокнаволоок): *ylä* ‘верх(ний)’, *ylini* ‘верхний’.

В контексте нашего исследования важно, что модель используется и в топоосновах, выражающих пространственные отношения: карел. *Ylä/järvi* ~ *Ylinil/järvi* (Медв. Совдозеро), *Ylinil/järvi* (Канд. Нильмозеро), *Aline/därv* и *Yline/därv* (Петр. Янгозеро), *Alani/järvi* (Ругоз. Тикша), *Alane/järvi* (Сегоз. Пенинга; Медв. Юостозеро): *alane*, *alani*, *aline* ‘нижний’; *Šurani/järvi* (Реб. Короппи): *šurani* ‘боковой’; *Lähini/jogi* и *Loittonil/jogi* (Реб. Ровкулы): *lähini* ‘ближний’, *loittoni* ‘дальний’; *Tagine/silda* (Петр. Святнаволоок): *tagine* ‘дальний’.

Для понимания всего многообразия вариантов воплощения топоосновы *ylä-* не менее важно учитывать то обстоятельство, что в формах косвенных падежей *-(i)ne/- (i)ni* преобразуется в *-ise/-ize/-iže-*, при этом косвенная основа, абстрагируясь, может обобщаться в топооснове: ср. оз. *Hattaraini* или *Hattarais/järvi* (Ухт. Кондоки), зал. *Karjalaini/laksi* ~ *Karjalais/laksi* ‘Карельский залив’ (Реб. Гафостров), оз. *Kuorda(i)ni* ~ *Kuordaiz/lambi* (Ругоз. Тикша), оз. *Silmikkäine* ~ *Silmikäz/lambi* (Свят. Афанасьева Сельга). В этом же ряду *Alaine/järvi* с вариантами *Alaiž/järvi* и *Alaž/järvi* (Петр. Мунозеро), оз. *Ylinil/järvi* с вариантом *Yliz/järvi* (Реб. Колвасозеро) ‘Верхнее озеро’³. Выбор варианта показателя обусловлен фонетическими особенностями наречия / говора.

³ Подобная основа косвенных падежей представлена в целом ряде топонимов, однако ее не всегда легко распознать и дифференцировать, особенно в субстратной топонимии на русской территории: зал. *Lappalais/laksi* (Ухт. Кондоки): *lappalainen* ‘лопарский’; оз. *Nurmiz/järvi* (Сегоз. Гонгинаволоок), р. *Nurmiz/jogi* (Петр. Мярэндукса): *nurmi* ‘поляна, покос’; зал. *Pohjaiz/laksi* (Ругоз. Онигма), зал. *Pohd’až/guba* (Конд. Кавгора): *pohjaini*, *pohd’ane* ‘северный’; оз. *Talviz/järvi* (Реб. Колвасозеро; Тунг. Тунгуда; Сегоз. Гонгинаволоок), руч. *Talviz/oja*, вытекает из оз. *Talvil/järvi* (Тунг. Кевятозеро): *talvi-* ‘зимний’; и мн. др.

Истоки форманта *-ise-*, примарного в связке модификаций *-ine-* и *-ise-*, — в праязыковом **-ŋće* [см. фонетическую реконструкцию в: Lehtinen, 2007, 96] с изначальной деминутивной семантикой [Hakulinen, 1968, 106]. При этом к нему восходит не только прибалтийско-финский *-ise*, но и саамский деминутивный формант *-š*, последовательная цепочка фонетического развития которого реконструируется в виде **-ŋće* > прасаам. **-ŋće* > саам. *-š*. В топонимии Карелии и сопредельных территорий обнаруживаются некоторые следы второго компонента этой цепочки — прасаамского **-ŋće*, причем, как полагает Д. Кузьмин, в двух фонетических обликах: *-nčV* преимущественно в западной части Карелии (руч. *Livončinj/oja* (Ведл. Крошнозеро), оз. *Pizančal/järvi* (Сегоз. Паданы), оз. *Uomančij/järvi* — Ругоз.) и *-nža/-нжа* в восточной части (реки *Воренжа*, *Роменьжа* (Пуд. Сумозеро), *Шигеренжа* — Сегоз. Вожмогора), а также за пределами современной Карелии, на юго-востоке [Kuzmin, 2014, 174–175]. Компактная группа гидронимов на *-нжа* расположена в Северном Белозерье, на границе Онежского и Белозерского бассейнов: реки *Добинжа*, *Игинжа*, *Лобинжа*, *Саранжа*, в одном ряду с которыми и речные наименования с конечным *-нда* как модификацией *-нжа*: реки *Веранда*, *Виксинда*, *Лужсанда*, *Юлонда* и др. [Муллонен, 1994, 120–121; 2002, 198–217]. Среди этих образований в Южном Обонежье есть по крайней мере одно с основой *ülä-*: оз. *Ilinžar'* < **Ilinž/järv*, рус. *Линжозеро* — верхнее из озер в системе Шимозера. На общем этнокультурном фоне региона с убедительным субстратом саамского типа реконструкция в основе топонима прасаамского суффиксального образования представляется убедительной. При этом в сочетании с пространственной семантикой корня и в контексте аналогичных прибалтийско-финских моделей формант выступал в данном случае как суффикс прилагательного, т. е. *Ilinžar'* (букв. «Верхнее озеро»).

***Ylä-* в сочетании с суффиксом, имеющим суперлативную семантику**

В карельской (прежде всего собственно-карельской) системе озерных именований, связанных с отражением пространственных отношений, нередки названия, формально выраженные превосходной степенью прилагательного: *ylimäine / ylimäini* (< **ylimäise* < **ülä + ima + ŋće*) ‘самый верхний’, ср. оз. *Ylimäine* (Тунг.), *Ylimäini Pirttijärvi*, *Ylimäini Petrajärvi* и др. в Беломорской Карелии. В составе форманта два элемента: показатель суперлатива *-(i)ma-* и адъективный суффикс *-ine* : *-ise* < **-ŋće*. Лимнонимная модель *Ylimmäinen* < **Ylimäinen* хорошо известна в топонимии Финляндии — на электронном ресурсе [http://www.retkikartta.fi] перечислено около 30 озер с этим названием. В вепсской топонимии модель не получила распространения, поскольку в вепсских говорах используется аналитическая форма превосходной степени, а традиционная форма с показателем *-im* сохранились лишь рудиментарно [Зайцева, 1981, 190–191].

Для использования превосходной степени есть объективная основа: река, как правило, протекает через целую цепь озер, и озеро-исток, таким образом, действительно является самым верхним по отношению к расположенным ниже по течению озерам. С другой стороны, однако, в сознании носителей топонимической суперлативная семантика размыта, сближена с компаративной и даже с позитивной (сравнение отсутствует). Фин. *ylimmäinen*, карел. *ylimäini* входят в обособленную группу слов с локативно-темпоральной семантикой, которые, включая показатель суперлатива, фактически не несут его значения, в связи с чем показатель рассматривается в качестве отыменного словообразовательного суффикса [Hakulinen, 1968, 125–126]⁴. В паре *Ylimäini Uhutjärvi* — *Alimaini Uhutjärvi* (Ухт.) заключена идея сравнения: более верхнее (*Ylimäini*) и более нижнее (*Alimaini*) Ухмозеро, а более редкое *Keskimmäini* (*keske*- ‘средний’ + показатель суперлатива *-imäini*) практически уравнивается в топонимическом использовании с *Keski*- и не несет семантики суперлатива, ср. связку *Ylinijärvi* ‘Верхнее озеро’ и *Keskimmäinijärvi* ‘Среднее озеро’ (Ухт.), в которой атрибутивный элемент первого топонима не включает показателя сравнения, а атрибутивный элемент второго оформлен аффиксом с суперлативной семантикой.

Соответственно, в косвенных падежах формант имеет, в зависимости от диалекта, вид *-(i)maise/- (i)mäise-* ~ *-(i)maize/- (i)mäize-* ~ *-(i)ma(i)že/- (i)mä(i)že-*: оз. *Ylimäini* ~ *Ylimäis/järvi*, оз. *Keskimmäini/järvi*, из которого вытекает руч. *Keskimmäizen/oja* (Тунг. Кевязозеро), ур. *Alimažed* (Видл. Большие Горы) и др.

Топонимическое наследие свидетельствует об архаичности этой модели, имеющей общие праприбалтийско-финско-саамские корни. Обнаружены некоторые примеры, в которых закрепился праязыковой облик форманта **-maŋce/*-mäŋce* [Korhonen, 1981, 248–249]. Последний убедительно восстанавливается финляндским исследователем А. Айкио в *Pomantsi* / *Иломанси* — названии известного древнего карельского погоста в Северо-Западном Приладожье [Aikio, 2003]. С учетом особенностей фонетической адаптации в Беломорье аналогичным образом должны интерпретироваться, с одной стороны, название реки *Илеменза* в бассейне оз. Сумозеро, с другой, видимо, лимноним *Imanč/arvi*, на картах *Иманъярви* < **Imančarvi* (Петр. Янгозеро): название озера реконструируется на основе наименования острова *Imanči/suari*, а также исходя из расположения озера в истоках р. Янгозерка.

Естественно, что адаптация сопровождается определенными трансформациями и «износом» форманта, особенно в случае многосложных топооснов. Некоторые модели такой трансформации, связанной с иллабиализацией гласных и синкопированием конечных согласных в саамских топонимах в ходе финской

⁴ Среди так называемых суперлативных прилагательных *ensimmäinen* ‘первый’, *jälkimmäinen* ‘последний’, *lähimmäinen* ‘ближний’, *takimmainen* ‘задний’, *äärimmäinen* ‘крайний’ и др. Геминация *m* в финском языке вторична.

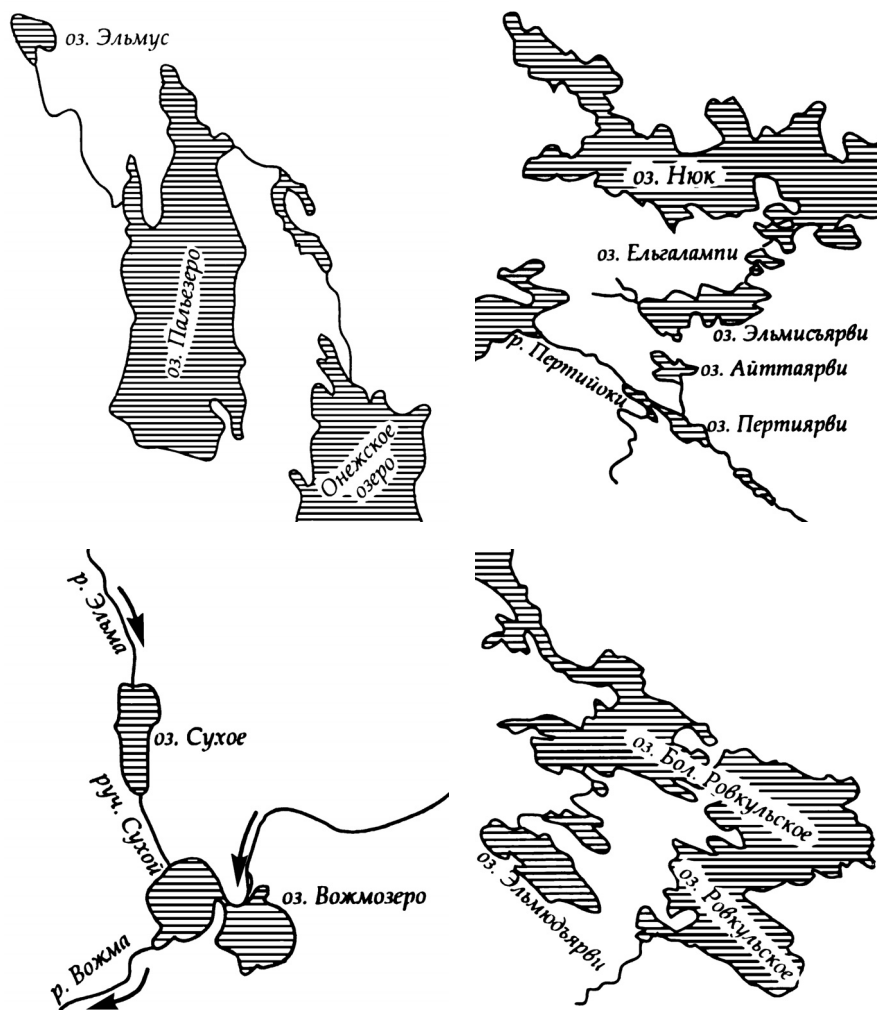
адаптации, описаны в исследовании А. Айкио [Aikio, 2007, 170]. Приведу один показательный пример с территории Северо-Западного Приладожья — района карело-финского языкового контактирования и значительного саамского субстрата в топонимии. В этой местности течет река *Ilmet/joki*, или *Ilmee(joki)*, причем сопоставление вариантов позволяет реконструировать в качестве исходной топооснову **ilmes*, имеющую в восточнофинских говорах в косвенных падежах вид *ilmehe- > ilmee-*. Вариант с конечным *-t* (*Ilmet-*) вызван характерной для приладожской топонимии субституцией примарных конечных согласных (особенно *-s*, *-h*) атрибутивного элемента в виде *-t* [Nissilä, 1975, 273–274]. Река впадает в Вуоксу в самых ее низовьях, а вытекает из озера *Ylimäinen* ('Верхнее').

В этом примере важна связька *Ylimäinen — Ilmet- < *Ilmes-*, которая подтверждает генезис *m*-ового элемента и одновременно выводит на интерпретацию истоков конечного *-s*. В этом контексте он явно идентичен прибалтийско-финской концовке *-inen*, в косвенных падежах *-ise-*: *Ylimäinen* : gen. *Ylimäise-n*. Иначе говоря, сложному по структуре прибалтийско-финскому показателю *-mainen* : *-maise-*, состоящему из элементов *-(i)ma-* и *-ise-*, соответствует — и структурно, и семантически — концовка *-mes* в субстратном *Ilmes-*, включающая *m*-овый и *s*-овый элементы. Заманчиво видеть аналогичную структуру и в неоднократно повторяющихся на карте Русского Севера названиях *Ильмаж*, *Ильмеж*, *Ильмеш* и, соответственно, реконструировать для них семантику '(самый) верхний'. В одном ряду с перечисленными топонимами также р. *Ильмаза* в бассейне р. Суда и вепс. р. *Ilmas* (рус. *Ильмас* ~ *Ильмакса* ~ *Ильмаз*) в верховьях р. Тутока, басс. р. Паша. При этом в последнем случае (*Ильмакса*) произошел переход основы в иной тип — по аналогии с другими топонимами на *-кса*.

На территории Центральной Карелии соответствующий гидронимный ряд представлен названиями *El'muz*, *El'müz*, *Elmis/järvi*, *El'mid/därvi*, *Elmüs/järvi*, *Elmi/lambi* и др. (см. рисунок), в которых основа *ElV-* 'Верхний' (см. выше) выступает в связке с формантом *-mus* и его фонетическими вариантами. Последний является саамским показателем суперлатива [Korhonen, 1982, 248–249]. Это небольшие по размерам озера, расположенные исключительно в верховьях, в истоках водной системы. Они замыкают собой водный путь, находятся в его верхней точке.

В финляндской топонимии соответствующая модель представлена рядом озерных названий на северо-востоке страны: *Elimys/järvi*, *Elämyö* ~ *Elämyön/järvi*, *Elimo*, *Elimon/järvi*, *Elämä/järvi* ~ *Elämäinen* (последнее в Центральной Финляндии) и др. Их безупречная интерпретация предложена лаппологом А. Айкио, связавшим их с прасаам. **elēmus(s)e* 'самый верхний', где **-mus(s)e* — суффикс суперлатива.

Финляндские топонимы, собственно, служат продолжением на запад карельского ареала модели, фонетически отличаясь, однако, наличием гласного во втором слове и, таким образом, более последовательно сохраняя исторический облик прасаамского оригинала. Видимо, этому способствовало свойственное

Рис. Гидронимная основа *Elt-/Älm-* на карте Карелии

финским говорам саво [Kettunen, 1940, № 199–200] появление вставного гласного в позиции между двумя согласными, из которых первым является *l* (по типу *silmä* → *sil'i'mä* ‘глаз’, *ilma* → *il'i'ma* ‘воздух’).

В итоге можно констатировать, что в топонимии Карелии и сопредельных территорий прибалтийско-финско-саамский формант, восходящий к суперлативному показателю и выступающий в связке с основой **ylä-*, представлен несколькими модификациями, за которыми стоят, с одной стороны, разные хронологические срезы его развития, а с другой — разные локальные языковые коллективы.

Кроме того, следует учитывать, что в сложном по структуре форманте, объединяющем два суффикса (*-*maŋće*: *-*ma*- и *-*ŋće*, соответственно прибалт.-фин. -(i)*ma* и -*ise*), суперлативное значение заключено в первом *-*ma* > -*ima* [Hakulinen, 1968, 100–101]. Собственно, фин. *ylin* ‘самый верхний’ восходит исторически к **ülämä* [Там же, 101] или **ülemä* [Korhonen, 1981, 248]. В этом контексте внимание привлекают такие топонимы, как *Ilmaljärvi* — название озера в истоках обширной и разветвленной водной системы, впадающей с севера в р. Вуокса (Северо-Западное Приладожье), или *Элимозеро* — озеро в истоке р. Пулома в Беломорье. Не исключено, что нередкие в топонимии Беломорской Карелии оз. *Elinjärvi*, оз. *Elinlampi* (см. выше) восходят к **Elimjärvi*, **Elimlampi*, в ходе их адаптации к карельской топонимии в соответствии с прибалтийско-финской фонетической закономерностью **m* > *n* в позиции конца слова. Заманчиво считать, что этот ряд продолжают известные на западе Архангельской области оз. *Ильмозеро* и р. *Ильма* в бассейне Онеги (Онеж. Чекуево), а также р. *Ильма*, текущая из оз. *Ильматозеро* (< ? **Ильмасозеро*) в р. Ваймуга (Холм.). С учетом сосуществования на Русском Севере вариантов *Ил-/Ел-* следует обратить внимание и на основу *Ельм-*. Убедительным примером ее «верхней» семантики является название р. *Ельма* на западе Архангельской области (бассейн оз. Кенозеро): *Ельмой* называется верхнее течение р. Карма, расположенное выше оз. Кармозеро.

В ряд «верхних» гидронимов с *m*-овым показателем заманчиво поместить и новгородский лимноним *Ильмень*. Его происхождение неоднократно обсуждалось исследователями [из последних публикаций см.: Rahkonen, 2013, 74–77, 87–88], приводившими доказательства как славянских, так и финно-угорских истоков названия. Среди финно-угорских интерпретаций наибольшую известность приобрела версия о связи топонима с прибалт.-фин. *ilma* ‘воздух, погода’. Автор этих строк в свое время уже обращал внимание на отсутствие такой семантической модели в традиционной прибалтийско-финской топонимии — при этимологизации топоосновы мы предлагали исходить из того, что наряду с семантикой ‘воздух, погода’ слово *ilma* имеет в уральских языках значение ‘небо, небесный’, которое к тому же может быть примарным [UEW, 81–82]. Оно представлено в целом ряде уральских языков, а в саамском значение ‘небо’ для лексемы *ál'bme* вообще является главным, стержневым. Семантика ‘небо, небесный’ представлялась перспективной, поскольку укладывалась в универсальные представления о том, что реки текут сверху вниз, что у них есть своя вершина, «голова». Важным аргументом представлялась и географическая характеристика рек и озер, поскольку основа действительно привязана к верхним, водораздельным, замыкающим водную систему водным объектам [Муллонен, 2002, 236–237].

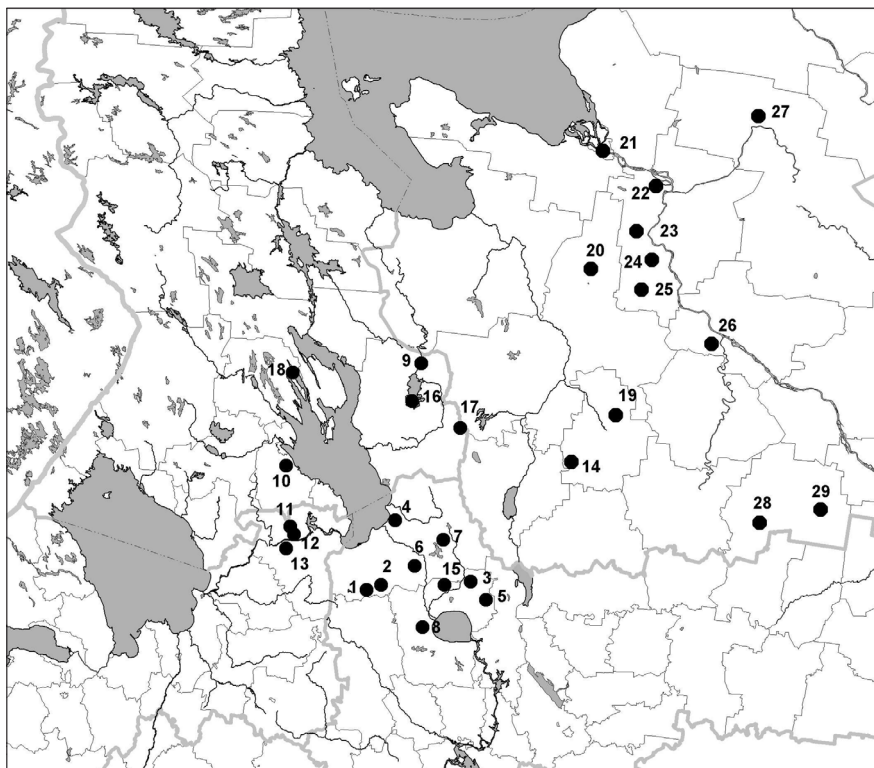
Однако дальнейшее исследование показало искусственность предложенной трактовки и позволило выявить другой подход к анализу названия, который основывается, с одной стороны, на топографическом контексте, с другой — на том представленном выше ономастическом обстоятельстве, что в прибалтийско-финской

и саамской гидронимии основа *ylä*- нередко выступает в форме суперлатива: фин. *Ylimmäinen*, карел. *Ylimäine* ‘Самый верхний’, прасаам. *El'muz*, праприб.-фин.-саам. *Pomantsi*. Озеро Ильмень, находясь в истоках Волхова, безусловно, могло быть охарактеризовано как «верхнее» по отношению к Ладожскому озеру, и его название, таким образом, могло входить в один семантический ряд с представленными выше гидронимами. Инициальный *i*- в *Ильмень* может отражать, как уже отмечалось выше, с одной стороны, результат адаптации приоб.-фин. у, с другой — один из этапов в развитии праязыкового *у — сужение его до *i*.

В контексте предложенной интерпретации кажется логичным видеть за финалью *-нь* в *Ильмень* тот же прибалтийско-финский аффикс *-ine(n)*, которым оформлена прибалтийско-финская модель *Ylimäine ~ Ylimmäinen*. Правда, традиционно исследовательская практика исходит из смены древней формы *Илмерь* (в Лаврентьевской летописи *Илмрь*) на новую *Ильмень*, происшедшей в XVI в. вследствие значительной смены населения на побережьях Ильменя [Попов, 1981, 46–47]. Не вдаваясь специально в непростой вопрос о возможных связях новгородского топонима *Ильмень* и географического термина *ильмень* с ареалом в Центральном Черноземье и Нижнем Поволжье, обратим внимание на то, что *Илмерь* и *Ильмень* могут быть и сосуществовавшими в прошлом вариантами названия озера — как в современной прибалтийско-финской топонимии *Ylä/järvi*, *Ylämä/järvi* ‘Верхнее озеро’ и *Ylimäine*, *Ylimmäinen* ‘Верхнее (озеро)’, при этом в последних аффикс закономерно замещает собой детерминант. Нельзя исключать, что вариант, зафиксированный летописью, был постепенно утрачен, в то время как второй вариант, получивший, возможно, поддержку со стороны языка новых жителей, закрепился и дошел до наших дней.

**Ylä*- в сочетании с суффиксом **-kse*

В заключительном разделе статьи мы рассматриваем речную модель *Илекса ~ Илакса ~ Илокса*. Она уже привлекала внимание исследователей, возводящих ее к ф.-уг. *ylä*- ‘верх, верхний’ [Матвеев, 2000; Муллонен, 2002, 232]. Модель отличается значительной продуктивностью в гидронимии Онежско-Белозерского водораздела, превосходя в популярности другие образования от основы *ylä*-. В материалах Картотеки топонимов Карелии [КТК] около 20 рек с названием *Илекса*. Среди них есть большие реки протяженностью более 100 км (например, *Илекса*, впадающая с севера в оз. Водлозеро), есть и совсем небольшие, длиной в несколько километров, ручьи (как, например, руч. *Илекса* в Павшозерской волости на севере Вашкинского района: ручей берет начало из *Кукова родника*, впадает в оз. *Павшозеро*, откуда под названием *Попов ручей* продолжает свой путь в р. Кема). Будучи привязанными к Онежско-Белозерскому водоразделу — обрусевшей территории, все гидронимы этого ряда бытуют в русской языковой среде (см. карту).

Карта. Ареал гидронимов *Илекса* ~ *Илес*⁵

1. <i>Илесозеро</i> ~ <i>Илексозеро</i> , оз. (Л, Ошг., Сяргозеро)	16. <i>Илекса</i> , руч.; <i>Илеслахта</i> , зал.; <i>Илексинское</i> , бол. (К, Пуд., Пелусозеро)
2. <i>Илекса</i> , р. (Л, Ошг., Куштозеро)	17. <i>Илезболото</i> , бол.; <i>Илесручей</i> , руч. (К, Пуд., Колодозеро)
3. <i>Илекса</i> , руч. (Л, Вашк., Ивановская)	18. <i>Илюхта</i> , д. (К, Конд., Мелойгуба)
4. <i>Илекса</i> , р. (Л, Выг., Тудозеро)	19. <i>Илесига</i> , р. (Арх., Нянд., Мошинский)
5. <i>Илекса</i> , р. (Л, Вашк., Шубач)	20. <i>Илекса</i> , р. (Арх., Плес., Обозерский)
6. <i>Илекса</i> , р. (Л, Выг., Старцево)	21. <i>Илес</i> , р. (Арх., Прим., Лисестровский)
7. <i>Илес</i> , р. и оз. (Л, Ковж., Буркова)	22. <i>Илакса</i> , р. (Арх., Холм., Хаврогорский)
8. <i>Илекса</i> , р. (Л, Белоз., Мегра)	23. <i>Илас</i> , оз.; <i>Илокса</i> , р. (Арх., Холм., Ракульский)
9. <i>Илекса</i> , р. (К, Пуд., Канзанаволок)	24. <i>Илокса</i> , р. (Арх., Холм., Емецкий)
10. <i>Илакса</i> , р. (К, Пригор., Лососиное)	25. <i>Илекса</i> , р. (Арх., Холм., Селецкий)
11. <i>Илекозеро</i> , оз.; <i>Илекручей</i> , руч. (Л, Подп., Токари)	26. <i>Илакса</i> , р. (Арх., Вин., Кицкий)
12. <i>Илокса</i> , р. (Л, Подп., Волнаволок)	27. <i>Илос</i> , оз. (Арх., Пин., Пинежский)
13. <i>Илакса</i> , р. (Л, Подп., Хавроньино)	28. <i>Илеза</i> , р. (Арх., Уст., Малодорский)
14. <i>Илокса</i> , р. (Арх., Карг., Нименга)	29. <i>Илекса</i> , р. (Арх., Уст., Дмитриевский)
15. <i>Илсгора</i> , гора (Л, Ковж., Ярбозеро)	

⁵ Список составлен по материалам [КТК] (Карелия) и [ТК ТЭ] (Архангельская область). В соответствии с оформлением материалов в картотеках для Архангельской области использована современная структура административного деления, для Карелии (К) — членение, опирающееся на [СНМ], для Ленинградской и Вологодской областей (Л) — членение, соответствующее справочнику [АТУЛО], когда Ленинградская область включала западные районы современной Вологодской области.

Подавляющее большинство топонимов этого списка составляют речные наименования. При этом сами реки объединены сходной географической характеристикой: это «верхние» реки по отношению к «нижним». К тому же связка выстраивается таким образом, что река под названием *Илекса* практически обязательно впадает в озеро, из которого вытекает некая «нижняя» река (под другим названием). Так, из двух вытегорских рек с названием *Илекса* одна впадает в оз. Тудозеро, которое соединяется протокой с Онежским озером, вторая впадает в оз. Матенжское, из которого вытекает р. Тагажма [Соболев, 2015, 570], т. е. *Илекса* в обоих случаях является «верхней» рекой.

Пространственная характеристика убедительно подтверждает этимологию. При этом, однако, генезис конечного *-с* : *-кс*- не получил до сих пор внятного объяснения. Исключительная устойчивость связки *ülä*- и *s*-ового элемента свидетельствует в пользу того, что словообразовательный суффикс *-kse* присоединился еще на доономастической стадии, в результате чего образовался некий географический термин в виде **üläkse* > **üläs* 'верхняя часть чего-либо (например, верховье реки)'. В связи с вышесказанным есть смысл обратить внимание на то, что основа оформлена концовкой *-кс* в эрзя-морд. *велькс* 'верхняя часть чего-л., верх' [ЭРС, 121]. Косвенным свидетельством потенциальной возможности бытования термина в западной группе уральских языков может служить аналогичное суффиксальное образование от антонимической основы *ala*- 'нижний': прибалт.-фин. *alus* 'нижняя часть; что-то, расположенное внизу', саам. *vuolus*, *vuolos* 'нижняя часть (особенно сети или невода)'; ср. также эрзя-морд. *алкс* 'расположенный внизу; основа; постель' [Kuokkala, 2012, 80–81]. Менее перспективен в смысле генезиса топоосновы представленный выше прибалтийско-финский контекст *Ylinen* : *Ylise*-, т. е. актуализация исторического деминутивного суффикса **-ŋće* > *-ise* с последующим включением суффиксального образования в тип основ *-s* : *-kse*: **Yläŋće* > **Ylise* > **IVs* > **IVkse*-.

Проблема интерпретации потапонима осложняется и тем, что по ряду сообщений его невозможно связать непосредственно ни с прибалтийско-финскими, ни с саамскими, ни с волжскими данными. С саамской интерпретацией вступает в противоречие фонетический облик топоосновы, ибо начальный финно-угорский *ii* в саамском развился в более открытый по артикуляции звук, и в топонимии Карелии саамского происхождения он передается как *e*. В свою очередь, прибалтийско-финской (как, собственно, и саамской, и волжской) интерпретации препятствует ареал бытования модели. Она неизвестна в таком виде (т. е. с суффиксальным оформлением) в топонимии прибалтийско-финских территорий. Если нанести ее на карту, то окажется, что модель сосредоточена между Онежским и Белым озерами и озерами Лаче и Воже, однако ареал продолжается более разреженным на восток вплоть до Пинеги, образуя некое скопление в нижнем течении Северной Двины (см. карту). На западе модель практически не выходит за пределы очень устойчивой границы, которая отделяет Обонежье от Приладожья.

Об эту границу «спотыкаются» и многие другие топонимы, распространенные на Онежско-Белозерском водоразделе. Данный ареал чрезвычайно интересен потому, что в районе сгущения он довольно точно повторяет очертания археологического ареала позднекаргопольской культуры, которая в Юго-Восточном Обонежье, очевидно, предшествовала собственно прибалтийско-финскому наследию.

Позднекаргопольская культура прослеживается археологически вплоть до V–VI вв. н. э., причем известно, что, во-первых, истоки этой культуры лежат в памятниках ананьинских древностей VIII–VI вв. до н. э. Среднего Поволжья, а во-вторых, носители ананьинских древностей приняли участие в формировании пермских и волжских финно-угров, а также саамского и прибалтийско-финских этносов [АК, 367]. Понимая все опасности сопоставления языковых и археологических ареалов, нельзя все-таки не отметить, что в описанные границы вписываются и ареалы некоторых других, главным образом гидронимных, моделей с финно-угорскими истоками [Муллонен, 2002, 319–320]. Поэтому позволительно с осторожностью предположить, что и *Илекса*, и ряд других топооснов в ареале между озерами Лаче, Воже, Белое и Онежское могут отражать язык носителей позднекаргопольской культуры.

Что же это был за язык? В принципе, *Илекса* хорошо интерпретируется на основе прасаамского вокализма, в котором еще на самой ранней стадии произошла утрата праприбалтийско-финско-саамского лабиального **ü*, объединившегося с **i* и развивавшегося далее в русле изменений последнего: **ü* > **i* > **e* > **ä* [Korhonen, 1981, 81–82]. В Северном Обонежье древний **ü* передается в топонимии саамского происхождения, в частности в финно-угорской основе *ylä-*, как *e* (*Elojärvi*, *Elimysjärvi* — см. ниже); в Южном же Обонежье, видимо, отражается более ранний этап фонетического развития древнего **ü* (т. е. *Илекса*). В то же время этому древнему языку, видимо, не чужды были и черты, проявляющиеся в волжских языках, в частности хорошо известный последним формант *-ks*. В русле современных представлений о финно-угорском языковом генезисе *Илекса* может с осторожностью интерпретироваться как наследие праязыка для западной группы уральских языков — мордовских, прибалтийско-финских и саамских. Очевидно, формирование собственно саамских и прибалтийско-финских языков происходило к северо-западу от обозначенной на карте территории.

Специального комментария требует название урочища *Илюхта* в Северо-Западном Прионежье, которое в писцовых книгах XVI в. отмечено как деревня «в Ылюхте» [ПКОП, 127] в окрестностях бывшей людиковской деревни Мелойгуба. Исторический топоним не удалось обнаружить в ходе современного полевого сбора, но последний, однако, выявил в Мелойгубе название урочища *Алахта* (< *ala-* ‘нижний’), косвенно подтверждающее его бытование. Видимо, здесь, как и в ряде других названий этой территории, произошла замена сочетания *-ks-* на *-ht-*, т. е. *Илюхта* < **Ileks-*, *Алахта* < **Alaks-*. Подобная замена отмечена,

например, в названии острова *Куйвахта* / *Куйвахда* в окрестностях деревни Леликово в заливе Великая Губа (Заонежский полуостров) — из первоначального **Куйвакса*, которое хорошо укладывается в ряд однотипных названий *Куйвас* и *Куйвакса* < **Kuivas* : **Kuivakse*- (приб.-фин. *kuiiv*- ‘сухой’) с топонимическим формантом *-ас*, неоднократно представленных в топонимии Карелии и смежных областей. Среди примеров описываемого фонетического явления также сложное по структуре название урочища *Кокша/конда* в Заонежье, в котором основной элемент *-конда* восходит к приб.-фин. *kontu*, *kondu*, *kond* ‘однодворная деревня’, а атрибут *кокша-* кажется логичным возвести к **кохта*, т. е. **Кохтаконда*: приб.-фин. *kohta*, *kohtu*, *koht* ‘место напротив’, в данном случае — на противоположном по отношению к бывшей деревне Рюга берегу залива.

Как объясняется это явление, прослеживающееся в топонимии Западного Обонежья, на границе людиковской и русской территории, которая еще в относительно недавнем прошлом была людиковской, а до этого, можно полагать, вепсской? Возможно, именно в таком генезисе территории надо искать и истоки взаимозаменяемости сочетаний *ht* и *ks/kš* в ходе карело-вепсского языкового контактирования, спровоцированной словами типа вепс. *laht* — карел. *lakši* ‘залив’, где вепсское слово сохраняло в основе древний *t*, а карельское — исторически примарный *k*.

Заключение

Итак, в гидронимии Карелии и смежных территорий отразились отдельные модификации уральской топоосновы **ül(i)-* > **ülä-*, за которыми просматриваются несколько разные по хронологии и этноязыковым параметрам коллективы создателей топонимов. В ходе адаптации как родственными, так и неродственными языковыми коллективами топооснова претерпела изменения, затушевавшие ее реальные истоки. Тем не менее учет закономерностей фонетической интеграции и географических особенностей водных объектов, а также картографирование позволили установить некоторый набор разновидностей основы и ареальные предпочтения в использовании ряда из них. Так, в Средней Карелии и Восточной Финляндии выявляется довольно хорошо очерчиваемый ареал *El(V)m-*, который с учетом логики фонетического развития, а также этнокультурной истории региона может быть интерпретирован как позднепраасамский. Ареал модификации *Il(V)m-* в значительно большей степени размыт и неопределен, и за ним стоят, видимо, разные по генезису и этноязыковым истокам финно-угорские коллективы номинаторов. Со своей стороны, ареал *Илес-* / *Илекса* имеет в рамках нашего исследования юго-восточный ареал, который тянется от Онежского и Белого озер к Северной Двине и неизвестен западнее в прибалтийско-финском и севернее в саамском мире. Совпадая в значительной степени с ареалом позднекаргопольской археологической

культуры середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э., он может быть западноуральским языковым наследием.

В последние годы ономастическая наука значительно продвинулась в понимании суффиксальной природы финно-угорских топоформантов [см. подробнее: Муллонен, 2002, 191–228]. Материал статьи дополняет известные по прежним исследованиям обоснования в пользу их суффиксальных истоков и расширяет круг «речных» суффиксов. Важно отметить, что форманты, реконструированные в связи с анализом модификаций гидронимной основы **ylä-* ‘верхний’, выявляются и в ряде других гидронимов, где тоже функционируют с основами, имеющими пространственную семантику. Приведем некоторые примеры.

1. Озеро *Пялнозеро* в бассейне р. Колежда в Поморье (Лапино) < **Päline-*, оз. *Päliz/järvi*, рус. *Пялюсь/ярви* (Линдозеро), оз. *Пелонч*, примыкающее к руслу Беломоро-Балтийского канала в районе пос. Надвоицы, оз. *Пильмасозеро* в Водлозерье, в которых возможно вычленить деминутивный / атрибутивный формант *-ine ~ -ize, -нч/-nčV* (< **-ŋće*) и *-mac* (как одну из модификаций суперлативного форманта) в сочетании с основой, имевшей семантику ‘бок, край, сторона’ (< урал. **pexli* ‘наружный край’).

2. Ручей *Кушкимус*, левый приток р. Шуя (Суояр. Игнойла), р. *Кукиа-Мокса* [АКЦ, 57] < ? *Кушкамокса* (Белом. Пулозеро) могут быть суперлативными образованиями от основы саамского типа **keške* (в диалектах *koska-*, *keške* и др.) ‘средний, промежуточный’ [Lehtiranta, 1989, 42–43], ср. соответствующую продуктивную в прибалтийско-финской топонимии основу фин. *Keskimmäinen*, карел. *Keskimäini*.

3. Озеро *Tarazmane ~ Tarazmaini ~ Tarazmazen/därvi* (Совдозеро), оз. *Tarasmo* в Беломорской Карелии: «суперлативный» *m*-овый элемент оформляет продуктивную в регионе топооснову, выраженную саам. *doares* ‘поперек, поперечный’ с мотивировкой ‘расположенный поперек течения реки’.

4. Озеро *Кукимасозеро* (Пуд. Янгозеро), оз. *Kukkamaljärvi ~ Kukkomaljärvi* (Тунг. Ушково): в основе прасаам. **kukkē* (сев.-саам. *guk'ke*, ин. *kukke*, колт., кильд. *ku'kk*) ‘длинный’, что хорошо подтверждается вытянутой формой озер. Со своей стороны, элементы *-та* и *-мас* должны, очевидно, интерпретироваться как модификации суперлативного форманта. В свое время А. Айкио предположил, что формант *-то* в финляндском озерном наименовании *Kukkamo* не имеет четкого объяснения [Aikio, 2003, 23], в действительности же он может находиться в одном ряду с приведенными выше модификациями.

5. Урочище *Валимоны ~ Валеймоны* (Велик. Ламбасручей) является результатом адаптации прибалтийско-финского оригинала **Alimaine* ‘нижний’.

Видимо, дальнейшее исследование позволит расширить этот список. Однако уже и в сегодняшнем виде он убедителен и поддерживает проведенные выше «верхние» реконструкции.

Источники

- АКЦ — Атлас «Карелия. Центральная часть». Масштаб : в 1 см — 1 км. М. : Ультра Экстент : Арбалет, 2005.
- АТУЛО — *Рышкин П. Е.* Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л. : Изд-во Ленингр. облисполкома и Ленсовета, 1933.
- КОРК — Каталог озер и рек Карелии / под ред. Н. Н. Филатова и А. В. Литвиненко. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2001.
- КТК — Картотека топонимов Карелии (хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск).
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. : материалы по истории Карельской АССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1930.
- СНМ — Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года). Петрозаводск : Статистическое управление, 1928.
- ТК ТЭ — Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, г. Екатеринбург).
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М. : Русский язык Дигора, 1993.
- SPK — *Suomalainen paikannimikirja / päätoim. S. Paikkala. Jyväskylä : Gummerus, 2007. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu ; 146).*
- UEW — *Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1988.*

Исследования

- АК — Археология Карелии / отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1996.
- Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1981.
- Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- Матвеев А. К. Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1 / отв. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004 ; Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
- Муллерен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб. : Наука, 1994.
- Муллерен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : ПетрГУ, 2002.
- Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л. : Наука, 1981.
- Смирнов О. В. Основы со значением 'верхний' — 'нижний', 'малый' — 'большой' в субстратной топонимии исторических мерянских земель // В созвездии слов и имен : сб. науч. тр. к юбилею М. Э. Рут / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 222–244.
- Соболев А. И. Географическое подтверждение топонимических этимологий (на примере Юго-Восточного Обонежья) // Рябининские чтения — 2015 : материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : Гос. ист.-архитект. и этнограф. музей-заповедник «Кижи», 2015. С. 570–572.
- Aikio A. Suomen saamelaisperäisistä paikannimistä // *Virittäjä*. 2003. № 107. S. 99–106.
- Aikio A. The Study of Saami Substrate Toponyms in Finland // *Onomastica Uralica*. 2007. Vol. 4 : Borrowing of Place Names in the Uralian Languages. P. 159–198.
- Aikio A. The saami Loanwords in Finnish and Karelian : PhD Diss. Oulu : [s. n.], 2009.

- Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968.
- Kettunen L.* Suomen murteet. III.A. Murrekartasto. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1940.
- Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 370).
- Kuokkala J.* Jälkitavun labiaalivokaalit saamessa ja itämerensuomessa. Helsinki : [s. n.], 2012.
- Kuzmin D.* Vienen Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki : Unigrafia OY, 2014.
- Lehtinen T.* Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantauralista varhaissuomeen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. (Tietolipas 215).
- Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 200).
- Nissilä V.* Pihtiputaan vanhaa nimistöä // Pihtiputaan kirja. JKKY:n kotiseutusarja 2 / toim. J. T. Lappalainen. Pihtipudas : Pihtiputaan kunta ja seurakunta, 1964. S. 71–100.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö. Joensuu : Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975.
- Rahkonen P.* South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä : Bookwell Oy, 2013.
- Saarikivi J.* Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugric substrate in northern Russian dialects. Tartu : Tartu Univ. Press, 2006.
- Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric and Permic // The Uralic languages. Description, history and foreign influences / ed. D. Sinor. Leiden ; New York ; København ; Köln : E. J. Brill, 1988. P. 478–554.
- Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 228).

Рукопись поступила в редакцию 04.09.2017

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков

вепс.	вепский язык	прасаам.	прасаамский язык
ин.	диалект инари саамского языка	приб.-фин. саам.	прибалтийско-финские языки саамский язык
кильд.	кильдинский диалект саамского языка	сев.-саам.	северный диалект саамского языка
колт.	диалект колтта саамского языка	урал. ф.-уг.	уральский праязык финно-угорский праязык
праприб.-фин.-саам.	праприбалтийско-финско-саамский язык	эрзя-морд.	эрзя-мордовский язык

В названиях административно-территориальных единиц

(для районов Карелии — по административному делению 1926 г.; для районов Ленинградской области — по административному делению 1933 г.)

Арх.	Архангельская область	Вин.	Виноградовский район Архангельской области
Белоз.	Белозерский район Ленинградской области	Выт.	Вытегорский район Ленинградской области
Белом.	Беломорский район Карелии	К	Республика Карелия
Вашк.	Вашкинский район Ленинградской области	Канд.	Кандалакшский район Карелии
Ведл.	Ведлозерский район Карелии	Карг.	Каргопольский район Архангельской области
Велик.	Великогубский район Карелии	Кемир.	Кемирецкий район Карелии
Видл.	Видлицкий район Карелии		

Кест.	Кестеньгский район Карелии	Подп.	Подпорожский район
Ковж.	Ковжский район Ленинградской области		Ленинградской области
Конд.	Кондопожский район Карелии	Пригор.	Пригородный район Карелии
Л	Ленинградская область	Прим.	Приморский район Архангельской области
Лоух.	Лоухский район Карелии	Пуд.	Пудожский район Карелии
Медв.	Медвежьегорский район Карелии	Реб.	Ребольский район Карелии
Нянд.	Няндомский район Архангельской области	Ругоз.	Ругозерский район Карелии
Онеж.	Онежский район Архангельской области	Свят.	Святозерский район Карелии
Ошт.	Оштинский район Ленинградской области	Сегоз.	Сегозерский район Карелии
Петр.	Петровский район Карелии	Суояр.	Суоярвский район Карелии
Пин.	Пинежский район Архангельской области	Тунг.	Тунгудский район Карелии
Плес.	Плесецкий район Архангельской области	Уст.	Устьянский район Архангельской области
		Ухт.	Ухтинский район Карелии
		Холм.	Холмогорский район Архангельской области

* * *

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
сектора языкознания
Институт языка, литературы и истории КарНЦ
РАН, ФИЦ «Карельский научный центр
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: mullonen@sampo.ru

Mullonen, Irma Ivanovna

DrHab, Professor, Chief Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Language, Literature
and History,
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk
E-mail: mullonen@sampo.ru

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia

PHONETIC VARIANTS OF THE ANCIENT TOPONYMIC STEM **Ylä*- ‘UPPER’ AND THEIR GENESIS IN THE HYDRONYMY OF KARELIA

The paper explores modifications of the ancient proto-Finnic toponymic stem **Ylä*- ‘top, upper,’ attested in the hydronymy of Karelia and adjacent regions. The analysis aims to reveal its phonetic variants and their sources. It is observed that in hydronyms the stem is used both independently and in conjunction with some formants. The latter, originating from derivational suffixes and grammatical markers, have a strong tradition of usage evidenced by a number of discovered toponyms with markers having specific protolanguage features. For instance, toponyms like *Ilinž/järv* (-*nžV* < Proto-Saami *-*ńće*), *Ylini/järvi* (Finnic -*ini*), *Yliz/järvi* (Finnic -*ize*)

showcase different stages of the development of diminutive / attributive suffix. The so-called superlative suffix, derived from the protolanguage superlative marker **-maŋće/*-mäŋće*, along with its Saami and Finnic modifications, is attested in lake names such as *Il'mozero*, *Ilemenza*, *Il'maž*, *Il'meza*, *Elimozero*, *El'mus*, *Ylimäine*, *Ylimäisjärvi* etc. on the territory of Karelia and adjacent areas. It is proposed that the same logic applies to the origins of the Novgorod place-name *Ilmen*. To underpin the attempted “upper” toponymic stems reconstruction, the study brings them in line with other place names derived from the stems with spatial semantics, formed with similar formant-types (e.g. lake *Pelonč*, *Pil'masozero*, *Kukimasozero*, *Tarazmane*). A certain areal distribution of naming patterns, apparently marking different ethno-linguistic groups, is also identified. Specifically, the pattern *El'muz* ~ *Elimys* known in the Central Karelia and west adjacent areas of Eastern Finland reflects the Late Proto-Saami linguistic condition. The pattern *Ileksa*, given its tight range between the lakes Lacha, Vozhe, Beloye, and Onega, as well as its phonetic appearance, may be an ancestry of an earlier language condition, associated with the Late Kargopol archaeological culture. The said culture's areal quite accurately repeats the outlines of the toponymic range of *Ileksa* and some other toponymic patterns having a common Finnic-Saami and, in some cases, ancient western Uralic sources.

K e y w o r d s: Finnic languages, Saami languages, substrate toponymy, etymology, toponymic formants, toponymic stems, Karelia.

Acknowledgements

This work was performed with financial support from the Federal budget, within the framework of the targeted research program carried out by the Institute of Language, Literature and History of the KarRC RAS (project AAAA-A18-118012490344-5 “Finnic Languages of the Northwest of the Russian Federation: Linguistic Research in the Socio-cultural Context”).

- Aikio, A. (2003). Suomen saamelaisperäisistä paikannimistä [Place Names of Saami Origin in Finland]. *Virttäjä*, 107, 99–106.
- Aikio, A. (2007). The Study of Saami Substrate Toponyms in Finland. *Onomastica Uralica*, 4: *Borrowing of Place Names in the Uralian Languages*, 159–198.
- Aikio, A. (2009). *The Saami Loanwords in Finnish and Karelian* (Doctoral dissertation). Oulu: [University of Oulu].
- Hakulinen, L. (1968). *Suomen kielen rakenne ja kehitys* [Structure and Development of the Finnish Language]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimiia Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of Arkhangelsk Pomorye]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kettunen, L. (1940). *Suomen murteet. III.A. Murrekartasto* [Finnish Dialects. III.A. Dialect Atlas]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Korhonen, M. (1981). *Johdatus lapin kielen historiaan* [Introduction to the History of the Saami Language]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Kosmenko, M. G., & Kochkurkina, S. I. (1996). (Eds.). *Arkheologiia Karelii* [Studies in Karelian Archaeology]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Kuokkala, J. (2012). *Jälkitavun labiaalivokaalit saamessa ja itämerensuomessa* [Second Syllable Labial Vowels in the Saami and Finnic Languages]. Helsinki: [s. n.].
- Kuzmin, D. (2014). *Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa* [Settlement History of White Sea Karelia in the Light of Onomastics]. Helsinki: Unigrafia OY.

- Lehtinen, T. (2007). *Kielen vuosituhannet. Suomen kielen kehitys kantauralista varhaissuomeen*. [Thousands of Years of Language. The Development of Finnish from Proto-Uralic to Early Finnish]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [Common Saami Vocabulary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Matveyev, A. K. (2000). Toponimicheskie poiski I [Toponymic Inquiries 1]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke* [Finno-Ugric Heritage in the Russian Language] (Vol. 1). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2004–2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 2, 3). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Mullonen, I. I. (1994). *Ocherki vepsskoi toponimii* [Essays on Veps Toponymy]. Saint Petersburg: Nauka.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisvir'ia: problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of Prisvirye: Problems of Ethnolinguistic Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Nissilä, V. (1964). Pihtiputaan vanhaa nimestöä [Old Toponyms of the Pihtipuu Region]. In J. T. Lappalainen (Ed.), *Pihtiputaan kirja* [Pihtipudas Book] (pp. 71–100). Pihtipudas: Pihtiputaan kunta ja seurakunta.
- Nissilä, V. (1975). *Suomen Karjalan nimistö* [Toponyms of Finnish Karelia]. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö.
- Popov, A. I. (1981). *Sledy vremeni minuvshikh. Iz istorii geograficheskikh nazvanii Leningradskoi, Pskovskoi i Novgorodskoi oblastei* [Traces of Times Long Gone. A History of Geographic Names of Leningrad, Pskov and Novgorod Regions]. Leningrad: Nauka.
- Rahkonen, P. (2013). *South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics*. Jyväskylä: Bookwell Oy.
- Saarikivi, J. (2006). *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugric substrate in northern Russian dialects*. Tartu: Tartu Univ. Press.
- Sammallahti, P. (1988). Historical phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric and Permic. In D. Sinor (Ed.), *The Uralic languages. Description, history and foreign influences* (pp. 478–554). Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1988.
- Smirnov, O. V. (2017). Osnovy so znacheniem ‘verkhonii’ — ‘nizhnii’, ‘malyi’ — ‘bol’shoi’ v substratnoi toponimii istoricheskikh merianskikh zemel’ [The Stems with the Meanings ‘Upper’ — ‘Lower’, ‘Little’ — ‘Big’, in the Substrate Toponymy of the Historical Merya Lands]. In E. L. Berezovich (Ed.), *V sozvezdii slov i imen: sb. nauch. tr. k iubileiu M. E. Rut* [In a Constellation of Words and Names: a Collection of Papers for M. E. Ruth’s Anniversary] (pp. 222–244). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Sobolev, A. I. (2015). Geograficheskoe podtverzhdenie toponimicheskikh etimologii (na primere Iugo-Vostochnogo Obonezh’ia) [Geographic Evidence for Toponymic Etymology (with Special Reference to the South-Eastern Lake Onega Region)]. In T. G. Ivanova (Ed.), *Riabininskie chteniia — 2015: materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul’turnogo nasledii Russkogo Severa* [Riabinin Readings — 2015: Proceedings of the 7th Conference on the Study and Revitalization of the Russian North’s Cultural Heritage] (pp. 570–572). Petrozavodsk: muzei-zapovednik «Kizhi».
- Tunkelo, E. A. (1946). *Vepsän kielen äännehistoria* [The Historical Phonetics of the Veps Language]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Zaitseva, N. G. (1981). *Imennoe slovoizmenenie v vepsskom iazyke* [Nominal Inflexion in the Veps Language]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.